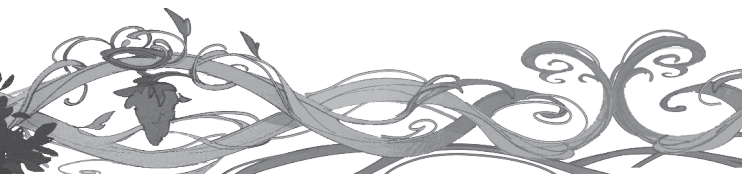

Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся
в книге, допускается только с письменного
разрешения правообладателей.

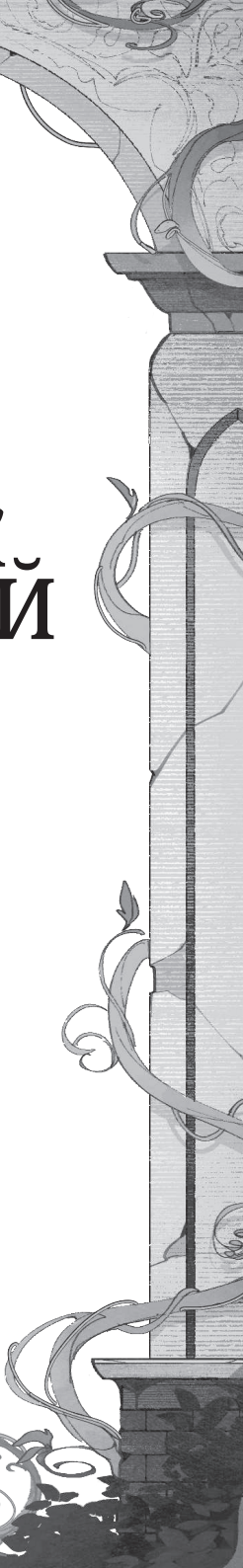

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

ЧЁРНЫЙ ЗАМОК ОЛЬШАНСКИЙ

Москва
2026

*В. К., которой этот роман
обещал десять лет назад,
с благодарностью¹*

¹ Роман посвящен Валентине Короткевич (1934–1983) — жене писателя. Валентина Брониславовна — историк, кандидат исторических наук. (Здесь и далее комментарии переводчика; комментарии автора отмечены знаком *.)

ЧАСТЬ I

ГРОЗНЫЕ ТЕНИ
НОЧНЫЕ

С ЧЕГО МНЕ, ЧЕРТ ПОБЕРИ, НАЧАТЬ?

С того кануна весны, когда за окном были сумерки и мокрый снег?

А что вам до прошлогоднего снега и сумерек?

Начать с того, кто я такой?

А что вам, в конце концов, до меня, обыкновенного человека в огромном городе? И зачем вам моя самохарактеристика?

Сразу брать быка за рога и рассказывать?

А какое я имею право на ваше внимание? То право, что вы заплатили деньги? Так мало ли за какие паршивые истории люди платят деньги?

Разбегаются мысли. Все случившееся — оно ведь касается меня, а не вас. И надо это, пока что, не вам, а только мне. Разве только мне? Да, пока я не расскажу всего — только мне.

Я знаю, с чего начну. Поскольку, до поры, это лишь моя история, я начну с самооправдания. И лишь потом перейду к тому, кто я такой и что случилось в тот снежный и мокрый мартовский вечер.

И — чтобы вы не сказали «а что нам до всего этого?» — я обещаю, что расскажу вам самую

удивительную и невероятную историю моей жизни. А — может, потому, что это было со мной, — мне кажется, что это даже самая невероятная история, которая только произошла на земле Белорусской за последнюю четверть века.

В конце концов, судите сами.

Различные нелепые слухи ходят о ней, о моем преступлении, о том закрытом процессе, на котором я якобы был то ли подсудимым, то ли свидетелем.

Насчет подсудимого — чепуха. Не ходил бы я на воле, если бы был подсудимым. А поскольку дело было связано с убийством, с несколькими убийствами, то так-то слишком уж быстро я, подсудимый, воскрес на этой земле. Но тень правды была в тени подозрения, которая временно легла на меня.

Свидетелем я тоже не был. Был я действующим лицом. Возможно, слишком действующим. Порой больше, нежели следовало. Совершал глупости — и совершал разумные дела. Путался и шел прямо к цели.

Но без меня «Ольшанская тайна» (номер дела со временем найдете в архивах) не была бы не только распутана, но не дошла бы и до середины развязки.

Ей просто никто не заинтересовался бы.

Тень слуха, тень сплетни тоже оскорбляет человека. И вот сейчас, через несколько лет, я могу, наконец, довести свой рассказ до конца, отдать вам, немного выстроив и скомбинировав, свои приведенные (преимущественно) в порядок записки. Никто не против, а меньше всего я сам. Распутан последний узел, все выяснено до определенности.

Что касается моей тогдашней (эта история слишком изменила меня) натуры, я ничего не правил. Пускай «Он» будет таким, как был. Это ведь «Он» тогда переживал, думал и действовал.

Как меняется человек! Все новое, и новое, и новое наплывает на душу, новые мысли, взгляд, страсти, тоска и радость — и сам удивляешься себе тогдашнему. И жаль себя тогдашнего. И невозможно — да и не хочется — вернуть былое.

Я отдаю вам его, я отдаю вам себя на суд строгий и беспристрастный.

ГЛАВА I

ВИЗИТ ВСТРЕВОЖЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Фамилия моя Космич. Крещеный (это все бабка) Антоном. Отца, если хотите знать, звали Глебом. Мать — Богуславой. Занятие родителей до революции? Отец, окончив гимназию, как раз успел на Зеленого и Махно. Мать — года три как закончила играть с куклами.

Я даю вам эту развернутую анкету, чтобы не говорить долго. Анкету с добавлением милицкого описания примет. А вдруг что-либо наделаю. Особенно

при моей склонности впутываться в разные приключения, на которые мне к тому же везет.

Мне тридцать восемь лет без малого. Старый кавалер¹, как говорила моя знакомая Зоя Перервенко, с которой у меня тогда как раз заканчивался — а по-

¹ *Кавалер (белорус.)* — здесь и далее употребляется в значении «холостяк».

жалуй, таки заканчивался — короткий и, как всегда, не очень удачный роман.

Этакий ста-арый кавалер, который из-за войны и науки не женился, а теперича уж поздно.

Жизнеописание этого старого кавалера подано пунктиром. На два года раньше, чем положено, окончил школу. Щенком с мокрой мордочкой. В сорок первом. Накануне. С выпускным балом, девчонкой в белом и вальсом до утра. Глупый, избитый, затасканный плохими писателями прием. Но тут так и было. К сожалению и к тоске. Так как в то утро две первые бомбы упали на почтамт и кинотеатр. Мы с нею были в кинотеатре, так что все это произошло на моих глазах.

Тряс перед военкомом свидетельство об окончании школы. Паспорта еще не было. Но поверили. Был... порядочная, словом, вымахала балда. Взяли.

И хлебнул я тут сполна. Родной городок. Отступаем. Над паровой мельницей единственный уцелевший репродуктор, и из него бравурный марш. И наровлянин¹ Коляда, командир моего отделения, весь в пыльных бинтах, резанул по нему из автомата (мало их еще тогда было, едва ли не единицы).

Резанул, «чтоб не визжав, паразит».

Тут и закончилась моя возвышенная молодость. Тут, а совсем не тогда, когда мы прикрывали отход наших и Коляду убили, а меня, засыпанного землей, взяли в плен. Было это севернее Орши.

Я сбежал с эшелона под Альбертином. И тут же в Слониме едва опять не попал... Спас меня дядя Здислав Криштафович. Как только его не хвалили: «приспешник, и подпевала, и...»

¹ *Наровлянин* — от райцентра Гомельской области Наровля.

Немцы потом, в конце сорок второго, повесили его, хорошего человека, в деревне под Слонимом.

И хорошо хоть то, что уже десять лет стоит ему в той деревне памятник.

Вот так, друзья.

Партизанщина. Опять армия. Сильно изранен возле Потсдама. Демобилизован.

И начали меня тут в университете учить «уму-ма-разму». В пятьдесят первом получил диплом, в пятьдесят четвертом аспирантуру окончил. Удивляюсь, как от всей этой науки не стал непоправимым дубом. Диссертацию защитил по «шеснадцатому» веку. Деятели Реформации. Гуманисты.

Стал кандидатом, специалистом по средневековой истории, неплохим палеографом. Написал несколько десятков статей, три монографии — можно и доктором становиться.

Собираюсь. Вот-вот.

«Молодой талантливый доктор исторических наук».

ТЬФУ!

Особые приметы:

Светлый шатен, глаза синие, нос средний, рот — щелью в почтовом ящике на главпочтамте, рожа — смесь варяга с поздним неандертальцем, руки граблями, ноги длинные, словно у полесского вора.

Спортивные данные:

Сто девяносто один сантиметр роста, восемьдесят девять килограммов веса. Плавание — первый разряд, фехтование — второй — будь они не ладны! Отношение к баскетболу? Мог бы и в баскетбол. Но на первой тренировке кто-то вытерся об меня потной спиной. Понимаете, не рабочий пот, не женский, а из резкого запаха, волосатого тела,

едва ли не сплывающего жиром... Бросил это дело. Брезгливый уж слишком.

Футбола не люблю. В гимнастике — ноль. Не знаю, сумею ли пятнадцать раз подтянуться на турнике.

Вот, кажется, и все, что интересует людей.

Ф-фу-у!

А насчет того, чем дышу, что только мое, так это исследование прошлого. Кроме вышеуказанных работ написал еще несколько, вроде... ну строго обоснованных, документальных исторических детективов, что ли.

Некоторые появились в журналах. Некоторые еще дожидаются: «Злая судьба рода Голынских», «Убийство в Дурыничих» и т. д. Если вот эта история вас заинтересует, я, со временем, познакомлю вас и с теми.

Смешно? И правда, смешно. Научный работник и, вдруг, пинкертоновщина в прошлом. Мне тоже смешно. Зато — интересно.

И вот писал, писал я — скорее от желания победить чувство своей неполноценности, ведь писатель из меня никудышный, — эти произведения популярного теперь жанра, писал, избирая вместо таланта умение разобраться в путанице актов, факты и логику. Писал и не знал, что в тот вечер судьба — из-за одного встревоженного человека — впутает меня в настоящий детектив.

В тот противный мартовский вечер я как раз готовился к работе. Честно говоря, не терпелось дорваться до нее: многие месяцы я занимался не тем, чем хотел.

Для меня эти первые минуты — едва ли не наибольшее наслаждение в жизни. Методично разложить на столе вещи: чистая бумага — справа, слева —